

Я. А. Коменский, Н. Степанов

Лабиринт света и рай сердца

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К63

Коменский Я.А.
К63 Лабиринт света и рай сердца / Я. А. Коменский, Н. Степанов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 186 с.

ISBN 978-5-458-08681-3

Лабиринт света и рай сердца, т. е. ясное изображение того, что на этом свете и во всех предметах его нет ничего, кроме суеты и заблуждения, сомнения и горестей, призрака и обмана, тоски и бедствий и, наконец, досады и отчаяния; но тот, кто остается дома в сердце своём и запирается с одним Господом Богом, приходит сам собою к истинному и полному успокоению и к радости.

ISBN 978-5-458-08681-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

5. Не басня то, читатель, что ты будешь читать, хотя и имѣеть сходство съ басней; нѣтъ, все это правда; вступиувъ въ нее, ты самъ поймешь это, въ особенности если ты мало-мальски знакомъ съ моею жизнью и приключеніями, потому что я расписывать красками большею частью случаи собственной жизни, съ которыми встрѣчался въ продолженіе немногихъ лѣтъ своего земного существованія: иное видѣлъ и у другихъ или имѣлъ свѣдѣнія. Сознаюсь, что не всего еще коснулся, отчасти изъ стыда, отчасти потому, что не зналъ, принесло-ли бы это пользу другимъ.

6. Провожатыхъ монаховъ и каждаго, кто блуждаетъ въ свѣтъ,—двое: дерзость ума, осматривающаго все, и старая привычка къ вещамъ, дающая видъ истины прельщеніямъ свѣта. Если пойдешь за ними съ разумностью, то, кто-бы ты ни былъ, увидишь, какъ и я, несчастныя смятенія своего поколѣнія, а если тебѣ будетъ казаться наоборотъ, то знай, что на твой носъ насажены очки обычнаго заблужденія, черезъ которыя ты видишь все неправильно.

7. Что касается представленія исполненной радости картины сердець, посвященныхъ Богу, то оно больше основано на теоріи, такъ какъ трудно найти все у каждаго избраннаго. Тѣмъ не менѣе у Господа Бога нѣтъ недостатка и въ такихъ заполированныхъ душахъ, и каждый истинно благочестивый, читая это, долженъ стремиться настойчиво къ такому совершенству. Будь счастливъ, милый христіанинъ, и пусть путеводитель солнца, Духъ Святой, укажетъ тебѣ лучше, чѣмъ я могу, и суету міра и славу избранныхъ, соединенныхъ съ Богомъ сердець, утѣшеніе и радость. Аминь.

Г Л А В А I.

О причинахъ путешествія въ свѣтъ.

Начавъ приходить въ такой возрастъ, въ которомъ умъ человѣческій начинаетъ сознать разницу между добромъ и зломъ, увидѣлъ я среди людей различныя сословія, положенія, профессіи, труды и предпріятія, которыми они занимаются, и у меня явилось непреодолимое влеченіе подумать хорошенько о томъ, къ какой группѣ людей примкнуть и какъ провести свою жизнь.

О чемъ много и часто размышлялъ я и совѣтовался съ своимъ разумомъ, на томъ и остановилось мое вниманіе, а именно: выбрать себѣ такой образъ жизни, въ которомъ было бы по возможности меньше заботъ и безпокойства, а возможно больше удобствъ, покоя и отрады.

Однако нелегкимъ казалось узнать, какой именно родъ занятій надо мнѣ выбрать; съ кѣмъ объ этомъ хорошенько посоветоваться,—не зналъ, да, по правдѣ сказать, и не хотѣлъ совѣтоваться, такъ какъ увѣренъ былъ, что каждый станетъ хвалить свое. Самъ же, безъ посторонней помощи, поспѣшно взяться за какое нибудь дѣло не смѣлъ, боясь ошибиться.

Признаюсь, я началъ потихонько приниматься за одно, за другое, за третье, но все тотчасъ же оставлялъ, потому что въ каждой вещи замѣчалъ и трудность и ничтожность ея, на мой взглядъ. Съ одной стороны я боялся, чтобы моя неустойчивость не принесла мнѣ вреда, и въ то же время не зналъ, что предпринять.

Постѣ мученій и колебаній душою, я пришелъ къ тому заключенію, что прежде всего нужно посмотрѣть всѣ чело-вѣческія дѣла, всѣ, что есть ихъ подъ солнцемъ, и срав-нивъ разумно одно съ другимъ, выбрать себѣ положеніе и затѣмъ привести свои дѣла въ такой порядокъ, чтобы на-слаждаться спокойною жизнью на свѣтѣ. Чѣмъ больше ду-мать я объ этомъ, тѣмъ больше правился мнѣ такой путь.

Г Л А В А II.

Путешественникъ досталъ въ проводники Вездѣсуща.

Вышелъ я изъ дому и сталъ оглядываться по сторонамъ, раздумывая, откуда и какъ начинать. Вдругъ, и самъ не знаю откуда, взялся предо мною чело-вѣкъ, съ твердою по-ступью, осмысленнымъ взоромъ и быстрою рѣчью, такъ что казалось, будто ноги, глаза, языкъ,—все у него вращалось на пружинахъ. Подвинувшись ко мнѣ, онъ сталъ допытываться, откуда я пришелъ и куда намѣренъ идти. Я ска-залъ ему, что вышелъ изъ своего дома съ намѣреніемъ со-вершить путешествіе по свѣту и кое-что испробовать.

Похваливъ меня за это, онъ спросилъ: „А гдѣ же твой проводникъ, есть-ли онъ у тебя?“ „Нѣтъ у меня никого“, отвѣтилъ я: „довѣряюсь Богу и своимъ глазамъ, думая, что они не обманутъ меня“. „Да такъ ты ничего не узнаешь“, сказалъ онъ. „Слыхалъ-ли ты когда-нибудь о Критскомъ ла-биринтѣ?“—„Слышалъ кое-что“. — „Чудо свѣта былъ, — это было зданіе съ такимъ огромнымъ количествомъ комнатъ, перегородокъ, корридоровъ, что попавшій туда безъ провожа-таго вѣчно мотался то туда то сюда и никогда не могъ выйти изъ него. То было ничтожество въ сравненіи съ тѣмъ, какъ устроенъ лабиринтъ свѣта, особенно въ настоя-

щее время. Не совѣтую тебѣ одному идти туда, повѣрь мнѣ, опытному въ этомъ“. — „А гдѣ-же мнѣ взять такого провожатаго?“ спросилъ я. Онъ мнѣ въ отвѣтъ на это: „Я для того, чтобы тѣхъ людей, которые хотятъ посмотрѣть и испытать что-нибудь, провожать и указывать имъ, что гдѣ находится: поэтому-то я и вышелъ на встрѣчу тебѣ“. Удивился я и спросилъ: „А кто же ты такой, мой милый?“ „Имя мое Все-вѣдъ, прозвищемъ Вездѣсущъ“, отвѣтилъ онъ. „Я прохожу черезъ весь свѣтъ, смотрю во все его стороны, у каждаго выпытываю его слова и дѣла, что есть явнаго, все вижу, что тайное—за всемъ слѣжу и наблюдаю, однимъ словомъ—безъ меня ничто не можетъ происходить: за всемъ присматривать—моя обязанность, и если ты пойдешь за мною, то проведу тебя во многія тайныя мѣста, куда безъ меня ты никогда не попалъ-бы“.

Услышавъ такія слова, я и самъ обрадовался, что нашелъ такого провожатаго, и сталъ просить, чтобы не почелъ за трудъ провести меня черезъ свѣтъ. „Какъ другимъ радъ служить въ этомъ, такъ и тебѣ“, отвѣчалъ онъ и, взявъ меня за руки, прибавилъ: „Пойдемъ“. Пошли мы, а я и говорю: „съ удовольствіемъ теперь посмотрю, каковъ-то этотъ свѣтъ, и есть-ли въ немъ что-нибудь такое, на чемъ человѣкъ могъ-бы успокоиться. Услышавъ это, товарищъ мой остановился и сказалъ: „Пріятель! идешь ли ты съ тою цѣлью, чтобы хорошенько осмотрѣть наши вещи, или чтобы разсудить о нихъ по своему разуму, этого я не знаю, только останется ли этимъ довольна Ея Милость, королевна наша“.

„А кто это ваша королевна?“—спросилъ я. Онъ отвѣтилъ мнѣ: „Та, которая управляетъ всемъ свѣтомъ и его дѣлами, отъ конца въ конецъ. Имя ей—мудрость, хотя нѣкоторые философы называютъ ее суетою. Поэтому я заранѣе предупреждаю тебя; когда мы будемъ ходить и осматривать тамъ, не мудрствуй; если ошибешься въ чемъ-нибудь, такъ я буду возлѣ тебя“.

Г Л А В А III.

Обманъ навязался въ товарищи.

Не успѣлъ онъ сказать объ этомъ, какъ вдругъ я замѣтилъ, что кто-то, и самъ не знаю—мужчина или женщина, (ибо какъ-то чудно было закрыто, а вокругъ него образовался какъ-бы туманъ), подойдя къ намъ, заговорилъ: „Вездѣсуущь! куда ты спѣшишь съ нимъ“? „Веду его въ свѣтъ“, отвѣтилъ послѣдній: „намѣренъ обозрѣть его“.

„А что же безъ меня“? Знаешь вѣдь, что твоя обязанность провожать, а моя—указывать, что гдѣ находится. Вѣдь Ея Милость королевна не желаетъ, чтобы тотъ, кто по собственному желанію пошелъ въ ея королевство, разсуждалъ о томъ, что видитъ и слышитъ, съ своей точки зрѣнія и мудрствовалъ о чемъ-нибудь; необходимо разсказать ему, что есть каждая вещь и для чего предназначена, и заставить его повѣрить этому“. Вездѣсуущь отвѣтилъ: „Неужели каждый столь дерзокъ, что наравнѣ съ прочими не можетъ удовлетвориться нашими порядками. Ну, въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, можно потребовать узду для него. Ладно, пойдемъ“. Такимъ образомъ онъ присталъ къ намъ, и мы отправились.

Но я держу себѣ на умѣ: „Дай-то Богъ, чтобы только не завели меня. Вѣдь они говорили о какой-то уздѣ для меня“, и, обратившись къ своему новому товарищу, сказалъ: „Пріятель! не сердись на меня, хотѣлось бы узнать твое имя“. Онъ отвѣтилъ: „Я толмачъ королевны свѣта Мудрости и имѣю отъ нея порученіе научать, какъ должно понимать все въ свѣтѣ. Поэтому все, что принадлежитъ къ истинной свѣтской мудрости, я влагаю въ умъ и привожу его къ

радости и доброму расположенію; безъ меня и королѣи, и князья, и владыки, и всѣ высокопоставленныя лица страшно тосковали бы и печально проводили-бы жизнь на свѣтѣ“. Я на это сказалъ ему: „Счастье для меня, что Богъ послалъ мнѣ въ проводники тебя, если только правда то, что ты говоришь. Я вѣдь для того отправился путешествовать въ свѣтъ, чтобы найти, что въ немъ есть наиболѣе спокойное и утѣшительное, а имѣя въ качествѣ совѣтника такого, какъ ты, я безъ труда выберу для себя что-нибудь“.—„Не безпокойся объ этомъ“,—отвѣтилъ онъ, „въ нашемъ королевствѣ, конечно, ты увидишь все прекраснымъ, въ порядкѣ и мило устроеннымъ и поймешь, что во всемъ можно вести себя послушнымъ нашей королевнѣ, но, правда, всегда одно призваніе и занятіе имѣть передъ другимъ болѣе удобства и свободы. Изъ всего можешь выбрать себѣ, что захочешь. Ну, вотъ все, что и какъ есть, я объяснилъ“. „Какъ же тебя зовутъ“?—спросилъ я.—„Имя мнѣ Обманъ“.

Г Л А В А IV.

Путешественникъ досталъ узду и очки.

Услышавъ это, я испугался, думая, что на грѣхъ взялъ его къ себѣ въ товарищи. „Первый, (такъ безпокоила меня моя мысль) толковалъ о какой-то уздѣ, затѣмъ этотъ называлъ себя Обманомъ, королевною своею называлъ суету (хотя, можетъ быть, неосторожно проговорился). Что бы это значило“?

И въ то время, когда я, молча и потупивъ взоры, шелъ, вѣрнѣе, какъ-то неохотно переступалъ ногами, Всевѣдь обратился ко мнѣ: „Что—на попятный дворъ“?—Не успѣлъ я отвѣтить ему что-нибудь, какъ онъ набросилъ мнѣ на шею какую-то узду, удила которой попали мнѣ въ ротъ. А онъ

прибавилъ:—„Ну, съ нею охотиѣе у меня пойдешь, какъ началъ“.

Поглядѣвъ я на эту узду и увидѣвъ, что она была сшита изъ ремня любопытства, а удила у ней были изъ желѣза упряжки въ предпріятіяхъ; и понявъ я, что теперь пойду обозрѣвать свѣтъ не такъ, какъ первоначально, — добровольно, но вслѣдствіе непостоянства и нерѣшимости мысли меня потащутъ насильно.

Другой же провожатый съ своей стороны повелъ такую рѣчь: „А я дамъ тебѣ очки, черезъ которыя ты будешь глядѣть на свѣтъ“. И вдругъ насадилъ мнѣ на носъ очки, взглянувъ черезъ которыя на свѣтъ, я увидѣвъ передъ собою все въ другомъ видѣ.

Очки эти дѣйствительно имѣли такое свойство, какъ я потомъ неоднократно испытывалъ, что смотрящему сквозь нихъ отдаленный предметъ казался близкимъ, а близкій — отдаленнымъ, малый — большимъ, а большой — малымъ, скучный — веселымъ, а веселый — скучнымъ, черный — бѣлымъ, а бѣлый — чернымъ. „Не даромъ, подумалъ я, онъ называетъ себя „Обманомъ“, коли умѣетъ дѣлать такіе очки и вставлять ихъ людямъ“.

Очки эти были сдѣланы, какъ я узналъ потомъ, изъ стекла догадки, а рамки ихъ изъ рога, который называется привычкою.

На мое счастье надѣлъ онъ мнѣ ихъ какъ-то криво, такъ что они не прилегали вплотную къ глазамъ, и я, повернувъ голову и поднявъ глаза, могъ глядѣть на вещи совершенно натурально. Я обрадовался этому и подумалъ самъ себѣ: „Хоть вы и закрыли мнѣ ротъ и заслонили глаза, но я вѣрю своему Богу, что не отнимите вы у меня разума и мысли. Пойду и посмотрю, что представляетъ изъ себя этотъ свѣтъ, на который по желанію госпожи Суеты нужно смотрѣть черезъ ея очки, а не собственными глазами.“

ГЛАВА V.

Путешественникъ смотритъ на свѣтъ съ высоты.

Въ то время, когда я такъ размышлялъ, внезапно мы, ничуть не вѣдаю, какимъ образомъ, очутились на какой-то очень высокой башнѣ, такъ что мнѣ показалось, будто мы находимся подъ облаками: взглянулъ я съ нея внизъ и увидѣлъ на землѣ какой-то городъ, на видъ блестящій, красивый и очень обширный, но концы и границы его всетаки можно было обозрѣть со всѣхъ сторонъ. Этотъ городъ былъ построенъ круглымъ, защищенъ стѣнами и валами, а вмѣсто рва была какая-то темная глубь, не имѣющая, какъ мнѣ казалось, ни берега, ни дна. Только надъ городомъ было свѣтло, а дальше—за оградой все покрыто тьмою.

Самый городъ, какъ я замѣтилъ, былъ раздѣленъ на безчисленное количество улицъ, площадей, домовъ и построекъ большихъ и малыхъ; вездѣ было множество народа, словно муравейникъ кишѣлъ муравьями. У восточной стороны возвышались какія-то ворота, а отъ нихъ шла улица къ другимъ воротамъ, обращеннымъ къ западу; чрезъ эти вторыя ворота можно было проникнуть въ различныя улицы города, изъ которыхъ главныхъ я насчиталъ шесть; всѣ онѣ шли отъ востока къ западу, одна подлѣ другой. Посрединѣ нихъ была какъ будто торговая площадь, очень большая, округленная, дальше къ Западу стоялъ на скалистомъ холмѣ какой-то высокій замокъ, на который очень часто смотрѣли всѣ граждане.

Мой провожатый обратился ко мнѣ съ такими словами: „Ну, вотъ, милый путешественникъ, здѣсь тотъ свѣтъ, на который ты хотѣлъ посмотреть. Для того я повелъ тебя сначала на эту высоту, чтобы ты поглядѣлъ на него цѣли-

комъ и понялъ его устройство. Эти восточныя ворота суть ворота жизни; черезъ нихъ проходятъ всѣ, кто является на свѣтъ для жизни. Вторыя ворота, ближайшія, суть ворота распутія; отъ нихъ каждый обращается къ тому или иному занятію, кому какой выпадетъ жребій.

Улицы же, которыя ты видишь, суть различныя состоянія, сословія и специальности, къ которымъ обращаются люди. Видишь:—главныхъ улицъ шесть. Въ одной, къ востоку, живетъ домашнее сословіе: родители, дѣти и челядь, въ сосѣдней—ремесленники и всѣ занимающіеся промышленностью, въ третьей, ближайшей къ площади, находится сословіе ученыхъ, занимающихся работою мысли. Съ другой стороны сословіе духовенства, къ которому люди бѣгаютъ исполнять религію; затѣмъ сословіе правителей и начальниковъ свѣта; ближе къ западу—рыцарское сословіе, занимающееся военными дѣлами. Какъ все это искусно устроено. Одни производятъ всѣхъ, другіе всѣхъ питаютъ, одни учатъ всѣхъ, другіе за всѣхъ молятся, одни судятъ всѣхъ и оберегаютъ отъ безпорядковъ, другіе воюютъ за всѣхъ, и такимъ образомъ всѣ служатъ другъ другу, и все находится въ равновѣсіи.

Этотъ замокъ, который ты видишь на западѣ, есть *Arx Fortunae*, замокъ счастья; въ немъ живутъ болѣе властные люди, пріобрѣтая тамъ богатства, роскошь и славу. Сюда сходятся люди изъ всѣхъ сословій и требуютъ, что имъ нужно; посрединѣ же этой площади, какъ бы въ центрѣ всего, находится резиденція королевны свѣта, Мудрости.

Мнѣ очень понравилось такое устройство, и я сталъ хвалить Бога, что искусно раздѣлилъ сословія въ свѣтѣ. Одно только не понравилось мнѣ. Эти улицы во многихъ мѣстахъ казались какъ бы проломленными, такъ что одна вдавалась въ другую; это, какъ мнѣ показалось, могло служить причиною ошибокъ и заблужденій. Къ тому же, когда